

УДК 172.13: 32.019.51

DOI: 10.26456/vtphilos/2026.1.130

КУЛЬТУРА БЕЗОПАСНОСТИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ: ПОНЯТИЙНОЕ ПОЛЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ

О.В. Джавад

ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени
Патриса Лумумбы», г. Москва

В статье представлен теоретический анализ культуры безопасности в качестве ключевого социокультурного феномена эпохи позднего модерна. Автор последовательно аргументирует тезис о недостаточности и редукционизме традиционных подходов к безопасности, сфокусированных на государственном суверенитете и военно-политических механизмах. Утверждается, что в условиях структурной неопределённости, гибридных угроз, цифровой трансформации и глобализации рисков безопасность необходимо переосмысливать как сложный, многомерный конструкт, формируемый в процессах коллективного смыслопорождения, коммуникации и повседневных практик. Целью работы является концептуализация культуры безопасности в качестве автономного объекта социально-философского анализа и разработка интегративной теоретической модели, синтезирующей ключевые положения теории риска Ульриха Бека, теории коммуникативного действия Юргена Хабермаса и философии повседневности Мануэля Кастельса. Научная новизна исследования заключается в преодолении разрыва между макротеоретическим анализом безопасности и микроуровневым изучением повседневных практик, а также в демонстрации эвристического потенциала синтеза этих теорий для построения целостного понятия «культура безопасности». В результате проведённого анализа обоснована трёхуровневая структура культуры безопасности, включающая в себя: 1) *рисковую рефлексия* как способность общества к критическому осознанию системных угроз и отказу от иллюзий абсолютного контроля; 2) *коммуникативную легитимацию* как процедурно-диалогический процесс установления и признания норм безопасности в публичном пространстве; 3) *повседневную рационализацию* как практическую компетенцию индивидов и групп по адаптивному конструированию безопасности в условиях сетевой фрагментации опыта. Автор приходит к выводу о том, что предложенная модель позволяет трактовать культуру безопасности не как набор внешних предписаний или идеологических установок, а как динамический *диспозитив* (в фукианском смысле), в котором переплетаются глобальные процессы производства рисков, институциональные формы коммуникации и микроуровень повседневного социального опыта. Культура безопасности, таким образом, предстаёт в качестве онтологического императива и условия возможности

© Джавад О.В., 2026

устойчивого развития социума в контексте перманентной нестабильности и множественности угроз.

Ключевые слова: *безопасность, культура безопасности, общество риска, секьюритизация, теория коммуникативного действия, философия повседневности, Ульрих Бек, Юрген Хабермас, Мануэль Кастельс.*

Цель работы – осуществить философскую концептуализацию феномена *культуры безопасности* как автономного объекта социально-философского анализа, предложив интегративную теоретическую модель на основе синтеза ключевых парадигм современной социальной мысли, и тем самым обосновать её необходимость в качестве аналитического инструмента для осмысления вызовов позднего модерна.

Введение

Традиционно категория «безопасность» в социальной теории понималась преимущественно в рамках национального государства, военной доктрины или экономической устойчивости. Такой подход, восходящий к вестфальской модели международных отношений и неореализму, редуцирует безопасность к процедурно-функциональным механизмам контроля, отчуждая её от конкретного жизненного опыта индивидов и сообществ. В то же время культурологический поворот в социальной философии конца XX – начала XXI в., наряду с феноменологической и постструктуралистской критикой объективизма, способствовал фундаментальному расширению эпистемологического основания безопасности, переводя её в плоскость символической онтологии и социального конструирования. Безопасность начинает осмысливаться не как объективная данность, а как сложный конструкт, формируемый в процессах intersubjectивного согласования, исторически обусловленного воображения, повседневного опыта и аффективного восприятия угроз [10]. Это смещение акцентов открывает путь для исследования глубинных культурных матриц, которые опосредуют не только восприятие опасности, но и сами способы её преодоления.

В условиях усиления структурной неопределённости, характерной для постиндустриального, или «рефлексивного», модерна, проблема безопасности претерпевает качественную трансформацию: из сугубо технократического или политического феномена она превращается в многомерную социокультурную реальность. Современная социальная философия, реагируя на вызовы гибридных угроз (сочетающих военные, информационные, экономические и идеологические компоненты), экзистенциальных рисков (таких как антропогенные изменения климата, пандемии, кризис биоразнообразия) и глобальных кризисов легитимности, вынуждена радикально переосмысливать традиционные параметры концепта «безопасность». В его трактовку включаются не только и не столько институциональные механизмы защиты, но и глубинные культурные коды, нарративы, практики идентичности и коллективные эмоции, опосредующие восприятие, интер-

претацию и трансляцию угроз. В этом контексте возникает насущная потребность в концептуализации *культуры безопасности* как автономного объекта философского анализа – не как пассивной производной от политических или экономических условий, но как активного, симбиотического феномена, локализующегося на пересечении повседневной практики, коммуникативных стратегий и формирующегося системного рискованного сознания.

Таким образом, актуальность исследования обусловлена теоретической необходимостью преодоления редукционистских трактовок безопасности и практической значимостью формирования адекватных аналитических рамок для понимания и управления комплексными угрозами в XXI в. Основная гипотеза исследования заключается в том, что адекватная концептуализация культуры безопасности возможна лишь на пути синтеза макро- и микросоциальных теорий, соединяющих анализ глобальных структур производства риска с изучением практик их осмысления и нейтрализации на уровне повседневной жизни и публичной коммуникации.

Эволюция понятия «безопасность»: от классического суверенитета к постмодернистской деконструкции

Для обоснования предложенного подхода необходимо проследить ключевые трансформации в понимании безопасности, выявив их внутреннюю логику и историко-философские предпосылки. Это позволит зафиксировать теоретические лакуны, которые призвана заполнить концепция культуры безопасности.

Классические концепции: безопасность как гарантия суверенного порядка

Истоки систематической концептуализации безопасности в западной философско-политической традиции неразрывно связаны с именем Томаса Гоббса. В «Левиафане» (1651) безопасность трактуется как фундаментальная, *онтологическая* потребность индивида, вынужденного существовать в естественном состоянии «войны всех против всех» [2]. Страх насильственной смерти выступает здесь первичным мотивом рационального действия, побуждающим индивидов заключить социальный контракт и безоговорочно передать суверенную власть абсолютному арбитру – государству-Левиафану. Функция последнего сводится к обеспечению порядка и защите подданных от внутренних и внешних угроз. Таким образом, в классической модели безопасность конституируется через бинарную оппозицию: хаос естественного состояния – порядок политического тела, где государственный суверенитет является одновременно условием возможности и предельным выражением безопасности.

Эта логика получает своё институциональное и теоретическое оформление в классической школе политического реализма в теории международных отношений, представленной трудами Ганса Моргентау [19], Эдварда Карра [9] и Кеннета Уолтца [21]. В рамках данного подхода, часто именуемого «традиционным» или «узким», единицей анализа и референтом

безопасности выступает национальное государство. Безопасность отождествляется с выживанием государства в условиях анархичной (лишённой верховного арбитра) международной системы. Фокус смещается на военно-стратегические аспекты: территориальную целостность, баланс сил, сдерживание, обороноспособность. Безопасность понимается здесь как объективное, постулируемое экспертами и измеряемое материальными показателями (численностью армий, мощностью вооружений) состояние, которое может быть обеспечено преимущественно силовыми и дипломатическими средствами.

Расширение горизонта: от национальной к человеческой и многомерной безопасности

Критика классического подхода, обострившаяся после окончания «холодной войны», была направлена на его очевидную ограниченность в условиях появления новых, невоенных угроз. Копенгагенская школа безопасности (Оле Вэвер [20], Барри Бузан [7], Яап де Вильде [8]) в конце 1980-х – начале 1990-х гг. предложила программу «расширения и углубления» (*widening and deepening*) понятия безопасности. Её ключевым вкладом стало, во-первых, введение модели «секторальной безопасности», согласно которой угрозы и референтные объекты безопасности могут быть проанализированы в нескольких автономных, но взаимосвязанных сферах: военной, политической, экономической, социетальной и экологической [8]. Во-вторых, и это наиболее важно, Копенгагенская школа разработала концепт «секьюритизации» (*securitization*) – речевого акта, посредством которого некая проблема представляется в публичном дискурсе как экзистенциальная угроза для определённого референтного объекта, что позволяет вывести её за рамки обычной политики и легитимировать применение чрезвычайных мер [8; 20]. Таким образом, безопасность предстала уже не как объективная данность, а как результат специфического дискурсивного конструирования, открытого для политической борьбы и манипуляции.

Логическим развитием этой тенденции стало оформление в середине 1990-х годов концепции *человеческой безопасности* (*human security*), наиболее полно изложенной в Докладе о развитии человека ПРООН (1994) [18]. В этой документе референт безопасности окончательно смещается с государства на индивида. Безопасность определяется как «свобода от страха» и «свобода от нужды», то есть защита от широкого спектра хронических угроз: бедности, болезней, репрессий, насилия, экологических катастроф. Акцент делается на качество жизни, достоинство и расширение возможностей человека. Этот подход, несмотря на свою гуманистическую привлекательность, часто критикуют за избыточную широту и размытость, превращающую безопасность в синоним любого позитивного социального блага, что затрудняет операционализацию понятия.

Постмодернистская критика: безопасность как дискурс власти и этическая апория

Наиболее радикальную критику онтологических и эпистемологических оснований как классических, так и расширенных концепций безопасности предприняли теоретики постмодернистской и постструктуралистской ориентации (Деррик Финн [14; 15], Мэттью Эдгар [11; 12], Кимберли Хичкок [16; 17], Карлос Эскуде [13]). Опираясь на методологию Мишеля Фуко, они рассматривают безопасность не как нейтральную аналитическую категорию или гуманистический идеал, а как мощный *дискурсивный режим* и *технология власти* [5]. С их точки зрения, практики безопасности (надзор, контроль, классификация, исключение) являются фундаментальными для конституирования современного политического порядка.

Так, процесс секьюритизации анализируется как способ производства «чужого», «врага», «аномалии», легитимирующий усиление репрессивного аппарата и сужение пространства публичной политики и гражданских свобод. Объявление некоего явления (миграции, определённой идеологии, протеста) «угрозой национальной безопасности» позволяет перевести его из сферы политических дебатов в сферу исключительных полномочий силовых структур, по существу, осуществляя «политическую деполитизацию». Более того, постмодернистская мысль выявляет этическую апорию безопасности: стремление к абсолютной защищённости неизбежно вступает в конфликт с ценностями свободы, открытости, плюрализма и приватности. В условиях развития технологий тотального наблюдения («умные» города, массовый сбор цифровых данных) сама логика безопасности может превратиться в инструмент подавления социальной неопределённости, являющейся неотъемлемым условием демократического творчества и индивидуальной автономии.

Таким образом, историко-философский анализ демонстрирует диалектическое движение мысли о безопасности: от её обоснования как основы суверенного порядка (Гоббс, реализм) – через расширение референтов и признание её дискурсивной природы (Копенгагенская школа, *human security*) – к радикальной критике её как механизма власти и источника этических противоречий (постмодернизм). Современная теоретическая ситуация характеризуется напряжением между потребностью в эффективных ответах на комплексные угрозы и осознанием опасностей, таящихся в самих инструментах обеспечения безопасности. Это напряжение указывает на необходимость нового синтетического подхода, который мог бы, не впадая в редукционизм или нигилизм, предложить целостное понимание безопасности как культурного феномена, укоренённого в структурах повседневной жизни и коммуникативных практиках. Именно такой подход можно обозначить как концепцию *культуры безопасности*.

Культура безопасности: к синтетической социально-философской модели

Термин «культура безопасности» получил определённое распространение в прикладных областях – менеджменте, инженерии, психологии труда,

где он обозначает совокупность установок, ценностей и норм, разделяемых членами организации и направленных на приоритетное отношение к вопросам безопасности. Однако в социальной философии и теоретической социологии это понятие остаётся периферийным и недостаточно концептуализированным. Его теоретический потенциал заключается в возможности связать в единую аналитическую рамку макроуровневый анализ социальных структур, производящих риски, мезоуровень институциональных коммуникативных практик и микроуровень индивидуального и группового опыта.

Научная новизна данного исследования заключается в попытке построения интегративной модели культуры безопасности путём синтеза трёх фундаментальных теоретических парадигм современной социальной мысли: теории общества риска Ульриха Бека, теории коммуникативного действия Юргена Хабермаса и философии повседневности Мануэля Кастельса. Предполагается, что такой межпарадигмальный синтез позволяет преодолеть односторонность как позитивистско-редукционистских, так и чисто деконструктивистских подходов, представив культуру безопасности в качестве динамичной, многоуровневой реальности.

Уровень риска и рефлексивности: вклад Ульриха Бека

Теория «общества риска» Ульриха Бека предоставляет онтологическое и эпистемологическое основание для понимания современного контекста безопасности [1]. Бек утверждает, что в эпоху рефлексивного модерна логика производства богатства индустриального общества сменяется логикой производства и распределения рисков. Риски нового типа (техногенные катастрофы, генетические модификации, финансовые кризисы, климатические изменения) обладают системным, глобальным, неисчислимым и часто невидимым (до момента катастрофы) характером. Они порождаются самим процессом модернизации, и их последствия не признают классовых и национальных границ.

В таком контексте традиционное понимание безопасности как состояния защищённости от известных и локализованных опасностей теряет смысл. Безопасность превращается в проблему управления принципиальной неопределённостью, требующую постоянной рефлексии о непреднамеренных последствиях технологического и социального развития. *Культура безопасности*, следовательно, на этом уровне должна быть понята прежде всего как культура *риск-рефлексии* – как способность общества к коллективному осознанию системных угроз, к критическому пересмотру своих базовых предпосылок и к публичному обсуждению допустимых уровней риска. Это предполагает отказ от технократической иллюзии полного контроля и принятие неопределённости в качестве конститутивного условия существования.

Уровень коммуникации и легитимации: вклад Юргена Хабермаса

Если Бек описывает структурные условия, в которых возникает проблема безопасности, то теория коммуникативного действия Юргена Ха-

бермаса предлагает ключ к пониманию нормативных и процедурных оснований её решения в демократическом обществе [6]. Хабермас проводит различие между «системой» (экономика, бюрократическая администрация) и «жизненным миром» (*Lebenswelt*) – сферой повседневного опыта, культурной традиции и личных отношений. Кризис современности, по Хабермасу, заключается в «колонизации жизненного мира» системными императивами эффективности и контроля.

Применительно к безопасности это означает, что навязывание сверху технократических мер безопасности (тотальная слежка, превентивное ограничение свобод) является проявлением именно такой колонизации. Подлинная культура безопасности не может быть сконструирована директивно. Она должна формироваться «снизу», в процессе *коммуникативной рациональности* – открытого, неограниченного и аргументированного диалога в публичной сфере. Цель такого диалога – достижение intersubjectивного согласия (консенсуса или, как минимум, взаимопонимания) относительно того, что считать угрозой, какие жертвы допустимы ради безопасности и где проходят границы между необходимой защитой и недопустимым контролем. Таким образом, культура безопасности на этом уровне предстаёт как культура *коммуникативной легитимации* норм и практик безопасности, обеспечивающая их не формальную, а подлинную общественную приемлемость и легитимность.

Уровень повседневности и сетевых практик: вклад Мануэля Кастельса

Наконец, теория сетевого общества и философия повседневности Мануэля Кастельса позволяют заполнить эмпирический пробел, показав, как глобальные риски и публичные дискуссии преломляются в конкретных практиках индивидов [3]. Кастельс утверждает, что в информационную эпоху социальная структура организуется вокруг «пространств потоков» – сетей капитала, информации, технологий и символов, тогда как локальные «пространства мест» фрагментируются и теряют автономию. Повседневная жизнь становится полем постоянного напряжения между глобальными потоками и локальной идентичностью.

В этих условиях переживание безопасности/небезопасности приобретает непосредственный, сенсорный и эмоциональный характер. Оно конструируется через взаимодействие с медиа-потоками, цифровыми интерфейсами, городской средой, социальными сетями. Культура безопасности на микроуровне проявляется как набор практических компетенций, или *повседневной рационализации*: способность критически оценивать информацию об угрозах, выбирать стратегии личного поведения (от цифровой гигиены до выбора маршрута), формировать локальные сети доверия и взаимопомощи, адаптироваться к быстро меняющимся условиям. Это уже не пассивное следование инструкциям, а активное, творческое конструирование персонального и группового «кокона безопасности» в условиях сетевой фрагментации реальности.

Интегративная модель культуры безопасности: структура и динамика

Интеграция трёх названных теоретических перспектив позволяет предложить многоуровневую модель культуры безопасности как целостного социального феномена. Данная модель представляет собой не просто сумму отдельных элементов, а динамическую систему, в которой уровни находятся в состоянии постоянного взаимодействия и взаимовлияния.

Макроуровень (общественно-структурный): риск-рефлексия. На этом уровне культура безопасности формируется как ответ на системные вызовы, описанные У. Бекон [1]. Это сфера производства общественного знания о рисках, формирования «риск-эпистемы», которая определяет, какие угрозы признаются обществом в качестве значимых. Здесь ключевую роль играют наука, экспертные сообщества, глобальные медиа, международные организации. Культура проявляется в способности к публичной рефлексии о долгосрочных последствиях развития, в критическом отношении к технократическим обещаниям, в готовности к солидарным действиям перед лицом глобальных угроз (например, террористических).

Мезоуровень (институционально-коммуникативный): коммуникативная легитимация. Этот уровень связан с институтами и процессами, обеспечивающими перевод макрорисков в публичную повестку и выработку коллективных решений. Сюда относятся политическая система, правовые институты, система образования, публичная сфера (в понимании Ю. Хабермаса), гражданское общество [6]. Культура безопасности здесь проявляется в качестве «коммуникативной инфраструктуры»: в прозрачности и подотчётности институтов, в качестве публичных дебатов, в развитии механизмов общественного участия в принятии решений, связанных с безопасностью (например, общественные обсуждения проектов, реализация которых влечет за собой увеличение числа экологических рисков).

Микроуровень (лично-повседневный): повседневная рационализация. Это уровень конкретных практик, привычек, эмоций и идентичностей индивидов и малых групп. Именно здесь абстрактные риски и публичные дискуссии обретают «плоть и кровь». Культура безопасности на этом уровне – это компетенции «быть в безопасности» в повседневной жизни: цифровая и медиаграмотность, навыки первой помощи, экологическое сознание в быту, психологическая устойчивость, способность строить доверительные отношения в локальном сообществе. Она также включает эмоциональный интеллект для управления страхом и тревогой, которые неизбежно порождаются обществом риска [3].

Взаимосвязь уровней обеспечивает устойчивость всей системы. Так, развитая риск-рефлексия на макроуровне (например, широкое обсуждение проблем кибербезопасности) создаёт материал для публичных дебатов на

мезоуровне, результатом которых может стать новый закон или образовательная программа. Эти институциональные изменения, в свою очередь, формируют среду и предоставляют ресурсы для развития конкретных компетенций на микроуровне (например, обучение пользователей цифровой безопасности). В обратном направлении, повседневный опыт и запросы граждан (микроуровень) через механизмы гражданского общества и публичной сферы (мезоуровень) могут влиять на постановку проблем и приоритетов на макроуровне.

В терминах Мишеля Фуко, культуру безопасности в предложенной модели можно охарактеризовать как специфический *диспозитив* – комплекс дискурсов, институтов, нормативных актов и субъективных практик, который складывается исторически для решения насущной проблемы (управления неопределённостью и угрозами) и в процессе этого решения производит новые формы знания, власти и субъективности [4; 5]. Она не является ни чисто принудительной, ни абсолютно свободной, но существует в поле напряжения между структурными ограничениями и агентностью социальных акторов.

Заключение

Проведённый анализ позволяет сделать ряд выводов теоретического и практического характера. *Во-первых*, предложенная интегративная социально-философская модель культуры безопасности позволяет преодолеть узость и редукционизм традиционных трактовок, сводивших безопасность к военно-политическим или технократическим аспектам. Рассмотрение безопасности сквозь призму трёх взаимодополняющих теоретических оптик – общества риска (У. Бек), теории коммуникативного действия (Ю. Хабермас) и философии повседневности (М. Кастельс) – демонстрирует её сложную, многоуровневую природу как культурного феномена. *Во-вторых*, научная новизна исследования заключается в осуществлении синтеза, который не просто суммирует различные подходы, но создаёт часть нового концептуального поля. Культура безопасности предстаёт не как статичный набор норм, а как динамический процесс постоянного производства и воспроизводства смыслов безопасности на стыке глобальных структур, институциональных практик и индивидуального опыта. Она является одновременно условием и результатом социального взаимодействия в эпоху неопределённости. *В-третьих*, такая модель имеет значительный эвристический и критический потенциал. Она позволяет анализировать конкретные ситуации (например, реагирование на пандемию, внедрение систем «умного города», борьбу с терроризмом) как сложные взаимодействия между «производством» рисков экспертами, их секьюритизацией в политическом дискурсе, институциональными ответами и адаптацией граждан в повседневности. Это открывает путь для критики как технократического авторитаризма, маскирующегося под заботу о безопасности, так и социальной пассивности и атомизации. *В-четвёртых*, понимание культуры безопасности как диспозитива подчёркивает её норма-

тивно-политическое измерение. Формирование зрелой культуры безопасности – это не техническая задача, а политический и образовательный проект, требующий развития публичной сферы, гражданских институтов, критической грамотности и социального капитала. Это проект, направленный на то, чтобы сделать общество не только более защищённым, но и более рефлексивным, солидарным и свободным.

В конечном счёте, культура безопасности в предложенном понимании становится не просто инструментом выживания в мире угроз, но и одним из ключевых *онтологических императивов* развития человеческой общности в XXI в. Она представляет собой попытку найти новые формы коллективной жизни и рациональности, которые были бы адекватны вызовам сложности, глобальной взаимозависимости и принципиальной неопределённости будущего. Дальнейшие исследования в этой области могли бы быть направлены на эмпирическую верификацию модели, изучение конкретных национальных и региональных конфигураций культуры безопасности, а также на разработку нормативных принципов её формирования в условиях цифровой трансформации и новых идеологических расколов.

Список литературы

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
2. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. М.: Мысль, 2017. 736 с.
3. Кастельс М. Власть коммуникации. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2016. 564 с.
4. Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью: в 3 ч. М.: Праксис, 2006. Ч. 3. 384 с.
5. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 2015. 496 с.
6. Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия: в 2 т. М.: Весь Мир, 2021. Т. 1: Рациональность действия и рациональность общества. 462 с.
7. Buzan B. People, States and Fear: An Agenda for International Security Studies in the Post-Cold War Era. 2nd ed. Colchester: ECPR Press, 2007. 318 p.
8. Buzan B., Waever O., de Wilde J. Security: A New Framework for Analysis. London: Lynne Rienner Publishers, 1998. 239 p.
9. Carr E.H. The Twenty Years' Crisis, 1919–1939: An Introduction to the Study of International Relations. London: Palgrave Macmillan, 2001. 233 p.
10. Dzhavad O.V., Ivleva M.L. The Phenomenon of Security: Socio-Philosophical Context // RUDN Journal of Philosophy. 2025. Vol. 29. № 2. P. 267–281. DOI: 10.22363/2313-2302-2025-29-2-267-281.
11. Edgar M. (Ed.). Postmodern Security Studies. London: Routledge, 2014.
12. Edgar M. The Archaeology of Knowledge and the Discourse on Security // Foucault Studies. 2008. № 5. P. 29–48.
13. Escudé C. An Introduction to Peripheral Realism and Its Implications for the International System // International Studies Quarterly. 1995. Vol. 39. № 2. P. 217–222.

14. Finn D. Media, Security and Sovereignty in the Digital Age. Oxford: Oxford University Press, 2017.
15. Finn D. Securitization, Power, and Intertextuality: The Discourse of Danger in the 21st Century // Review of International Studies. 2010. Vol. 36. № 3. P. 937–959.
16. Hickok K. Ethics of Security: Surveillance, Citizenship and the State. Manchester: Manchester University Press, 2018.
17. Hickok K. The Securitization of Society: Crime, Risk, and Social Order. New York: NYU Press, 2015. 368 p.
18. Human Development Report 1994. New York: United Nations Development Programme (UNDP), 1994. 226 p.
19. Morgenthau H.J. Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace. 7th ed. New York: McGraw-Hill, 2006. 688 p.
20. Wæver O. Securitization and Desecuritization // On Security. Ed. by R.D. Lipschutz. New York: Columbia University Press, 1995. P. 46–86.
21. Waltz K.N. Theory of International Politics. Long Grove, Illinois: Waveland Press, 2010. 25 p.

CULTURE OF SECURITY IN THE CONTEXT OF CONTEMPORARY SOCIAL PHILOSOPHY: CONCEPTUAL FIELD AND THEORETICAL FOUNDATIONS

O.V. Dzhavad

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow

The article presents a theoretical analysis of the security culture as a key sociocultural phenomenon of the late modern era. The author consistently argues the thesis about the insufficiency and reductionism of traditional approaches to security, focused on state sovereignty and military-political mechanisms. The article focuses on the idea that in the context of structural uncertainty, hybrid threats, digital transformation and the globalization of risks, security must be rethought as a complex, multidimensional construct formed in the processes of collective meaning-making, communication and everyday practices. The aim of the work is to conceptualize security culture as an autonomous object of socio-philosophical analysis and to develop an integrative theoretical model synthesizing the key provisions of Ulrich Beck's risk society theory, Jürgen Habermas's theory of communicative action and Manuel Castells's philosophy of everyday life. The scientific novelty of the research lies in overcoming the gap between the macro-theoretical analysis of security and the micro-level study of everyday practices, as well as in demonstrating the heuristic potential of interparadigmatic synthesis for constructing a holistic concept of «security culture». As a result of the analysis, a three-level structure of security culture is substantiated, including: 1) *risk reflection* as society's ability to critically recognize systemic threats and abandon illusions of absolute control; 2) *communicative legitimization* as a procedural-dialogical process of establishing and recognizing security norms in the public sphere; 3) *everyday rationalization* as the practical competence of individuals and groups to adaptively construct security

in conditions of the network fragmentation of experience. It is concluded that the proposed model allows interpreting the culture of security not as a set of external prescriptions or ideological attitudes, but as a dynamic *dispositif* (in the Foucauldian sense), in which global processes of risk production, institutional forms of communication and the microphysics of everyday experience are intertwined. Thus, security culture appears as an ontological imperative and a condition for the possibility of sustainable societal development in the context of permanent instability and a multiplicity of threats.

Keywords: *safety, safety culture, risk society, securitization, theory of communicative action, philosophy of everyday life, Ulrich Beck, Jurgen Habermas, Manuel Castels.*

Об авторах:

ДЖАВАД Ольга Васильевна – старший преподаватель кафедры социальной философии, ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы», г. Москва. E-mail: dzhavad-ov@rudn.ru

Author information:

DZHAVAD Olga Vasilievna – Senior Lecturer of the Department of Social Philosophy, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow. E-mail: dzhavad-ov@rudn.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.02.2026.

Дата принятия рукописи в печать: 20.03.2026.